КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Іюля. № 14. 1877 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ВОЗЗВАНІЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО КЪ БОЛГАРАМЪ ПО ПЕРЕХОДѢ НАШИХЪ ВОЙСКЪ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ.

(Изъ Церковн. Вѣстника № 25).

«Войска Мои, перешедши Дунай, вступаютъ сегодня на вашу територію, гдѣ уже нѣсколько разъ они сражались за улучшеніе участи христіанскихъ жителей Балканскаго полуострова. Предки Мои, вѣрные древнимъ историческимъ преданіямъ, постоянно почерпая новыя силы въ тѣсномъ и вѣковомъ единеніи, связывавщемъ ихъ съ православнымъ народомъ, успѣли, вліяніемъ своимъ и силою оружія, послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румуновъ, призвавъ ихъ къ новому политическому существованію. Время и обстоятельства не измѣнили симпатіи Россіи къ ея единовѣрцамъ на востокѣ. Она все еще питаетъ ту же любовь, ту же заботливость ко всѣмъ членамъ великой христіанской семьи Балканскаго полуострова. Я ввѣрилъ Моей арміи, предводимой Моимъ братомъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, дѣло обезпеченія священныхъ правъ

вашей народности, составляющихъ главное условіе практическаго и правильнаго развитія всякаго гражданскаго существованія. Вы пріобрѣли права эти не силою сопротивленія оружіемъ, но цѣною вѣковыхъ страданій, цѣною мученической крови, которою вы и ваши предки, въ теченіи многихъ вѣковъ, орошали землю вашей родины.

«Жители земли болгарской! Цѣль Россіи—созиданіе, а не разрушеніе. Изволеніемъ Божественнаго Промысла, она призвана умиротворять, примирять всѣ племена, всѣ вѣроисповѣданія въ отчизнѣ болгаръ, гдѣ обитаютъ жители различнаго происхожденія и различныхъ вѣрованій. Отнынѣ русскія войска будутъ защищать каждаго христіанина отъ всякаго насилія; никакого ущерба не будетъ безнаказанно нанесено его личности или его достоянію; за каждымъ преступленіемъ послѣдуетъ наказаніе; свобода, честь, собственность каждаго христіанина будутъ обезпечены въ одинаковой степени. Дѣйствіями нашими будетъ руководить одна только строгая справедливость, равно какъ твердая воля постепенно водворитъ порядокъ и право тамъ, гдѣ господствуютъ безчинство и своеволіе. И къ вамъ, болгарскіе мусульмане, обращаю Я спасительное увѣщаніе! Мнѣ тяжело вызывать воспоминанія о преступленіяхъ и насиліяхъ всякаго рода. Многіе изъ васъ были преступны по отношенію къ беззащитнымъ христіанамъ. Ужасы эти не могутъ быть забыты; но русскія власти не захотятъ сдѣлать всѣхъ отвѣтственными за преступленія нѣсколькихъ. Благоустроенное и безпристрастное правосудіе покараетъ только однихъ преступниковъ, оставшихся ненаказанными. Признайте нынѣ правосудіе Господа Бога, постигающее васъ; преклонитесь предъ Его волею; представьте законныя требованія ваши Моимъ властямъ, которыя будутъ установлены вездѣ, гдѣ

появятся войска Мои; сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать вамъ блага правильнаго строя. Ваша вѣра останется неприкосновенною; существованіе ваше, ваше достояніе, жизнь и честь вашихъ семей будутъ священны для насъ.

«Болгарскіе христіане! Вы переживаете памятные дни. Часъ избавленія отъ своеволія мусульманъ, наконецъ, пробилъ. Явите всему міру примѣръ христіанской любви; забудьте прежніе раздоры; уважайте законныя права каждой народности; соединитесь, братья по вѣрѣ, въ чувствѣ согласія и братской любви, представляющихъ основы для стойкаго и прочнаго зданія; сомкнитесь тѣсными рядами подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго столько разъ гремѣли на Дунаѣ и въ Балканахъ. По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться впередъ во внутрь страны, турецкая власть будетъ замѣщаться правильнымъ устройствомъ; обыватели будутъ тотчасъ же призваны принять въ немъ дѣятельное участіе подъ высшимъ руководствомъ особыхъ и новыхъ властей. Болгарскія дружины составятъ мѣстную вооруженную силу, имѣющую своимъ назначеніемъ охранять порядокъ и безопасность. Готовность честно послужить вашей родинѣ, безпристратіе, которое вы внесете въ исполненіе этого великаго долга, докажутъ міру, что вы достойны участи, которую Россія уготовала для васъ цѣною столь великихъ жертвъ. Повинуйтесь русскимъ властямъ. Слѣдуйте точно ихъ указаніямъ. Въ этомъ—ваша сила и ваше спасеніе.

«Смиренно молю Господа даровать намъ побѣду надъ врагомъ христіанъ и ниспослать Его благословеніе нашему правому дѣлу».

«АЛЕКСАНДРЪ».

НѢСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВЪ ИЗЪ ИСТОРІИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Окончаніе) [1].

II.

Недалеко отъ городищенскаго бенедиктинскаго кляштора находилось село Вылазы, но оно находилось въ совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ Городище, населено было вольною шляхтою и долго не поддавалось римско-католической пропагандѣ. До послѣдняго времени предъ началомъ разсматриваемаго дѣла въ Вылазахъ было только 10 римско-католиковъ, тогда какъ всѣ остальные жители были православные. Но бенедиктины съумѣли и вылазскую шляхту прибрать къ своимъ рукамъ и однимъ рѣшительнымъ ударомъ обратили вылазскую православную церковь въ костелъ, а всѣхъ жителей хотѣли обратить въ латинскій обрядъ.

Неизвѣстно, по какому случаю и даже какимъ образомъ сожженъ былъ въ Вылазахъ католикъ панъ Антоній Литвиновичъ. Назначена была коммиссія для изслѣдованія преступленія, повидимому представлявшая въ миньятюрѣ коммиссію о убіеніи православными извѣстнаго изувѣра Іосафата Кунцевича. Очевидно, дѣло приняло въ рукахъ коммиссіи религіозный характеръ; потому что мѣстный православный священникъ Мазевичъ, испугавшись коммиссіи, бросилъ свой приходъ и даже пожитки, бѣжалъ со своею женою изъ Вылазъ и прибѣгъ подъ защиту и покровительство пинскаго уніатскаго епархіальнаго начальства. Главные виновники преступленія, въ томъ числѣ Стефанъ Литвиновичъ и Лукашъ Гореглядъ, заключены были въ темницу, а другіе бѣ-

[1]) См. начало „Епарх. Вѣд.“ № 13-й.

жали, и пинскій градскій судъ декретомъ своимъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, а всю околицу вылазскую къ тюремному заключенію на годъ и шесть недѣль и къ денежному штрафу въ 440 злотыхъ въ пользу истцовъ. Декретъ этотъ отличается преднамѣренною строгостью, которую впослѣдствіи смягчили сами судьи, и послѣдовалъ въ то именно время, когда находился въ Пинскѣ городищенскій бенедиктинскій опатъ, водившій знакомство съ судьями. Приговоренные къ смерти узники обратились чрезъ Александра Плотницкаго къ городищенскому опату съ просьбою о помощи и покровительствѣ, обѣщая принять латинскій обрядъ, а одинъ изъ нихъ Лукашъ Гореглядъ не только обѣщалъ принять латинскій обрадъ, но и уступалъ бенедиктинамъ принадлежавшую ему землю, на которой построена православная вылазская церковь. По показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, опатъ навѣстилъ узниковъ въ ихъ заключеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и остававшіеся на свободѣ православные вылазскіе шляхтичи совѣщались между собою о мѣрахъ къ безопасности узниковъ и своей собственной и облегченію предстоящихъ наказаній. Еще въ Вылазахъ католикъ Петръ Гореглядъ совѣтовалъ имъ обратиться за покровительствомъ къ русскому епископу и принять унію, но Θеодоръ Гореглядъ и Григорій Антоновичъ прямо изъявили желаніе принять латинскій обрядъ, и всѣ, услышавъ это, опустили руки и разошлись. Когда они прибыли въ Пинскъ, здѣсь почаповскій шляхтичь Мартинъ Сикорскій тоже совѣтовалъ имъ, для умилостивленія правосудія, обратиться къ уніатскому епископу, и принять унію. Но были ли они въ этотъ разъ у пинскаго уніатскаго епископа, неизвѣстно,—говоритъ одинъ свидѣтель католикъ,—потому что, будучи схизматиками, они остерегались насъ давнихъ католиковъ. Другой

свидѣтель утверждаетъ, что вылазскіе шляхтичи не пошли къ уніатскому епискоку, а обратились за совѣтомъ къ своимъ чернцамъ пинскимъ, которые сказали имъ: «когда теперь на васъ такая бѣда, то лучше станьте католиками въ обрядѣ латинскомъ и отдайтесь въ покровительство его милости велебнаго опата, поелику унитъ есть чёртовъ братъ». Шляхтичи такъ и сдѣлали и въ количествѣ шести человѣкъ съ двумя пріятелями явились въ Пинскѣ къ городищенскому опату, прося его о протекціи и заступничествѣ и обѣщая принять латинскій обрядъ и вылазскую церковь отдать на костелъ: «дѣлай себѣ что хочешь въ Вылазахъ, говорили они, а только помоги намъ въ этомъ несчастіи [1])». Опатъ замѣтилъ имъ, что объ этомъ нужно было хлопотать имъ еще до составленія и объявленія декрета, однако все-таки обѣщалъ употребить возможное о нихъ стараніе и вскорѣ затѣмъ пригласилъ къ себѣ въ Городище судью и весь урядъ городской и истцовъ—пана Рабка и Литвиновича. Когда судъ и истцы пріѣхали въ Городище къ опату, послѣдній написалъ къ вылазской шляхтѣ, чтобы она пріѣзжала въ Городоще, съ такимъ прибавленіемъ, что кто не явится, тотъ на свою бѣду не явится. Шляхта двинулась: одни поѣхали прежде, другіе за ними. Городищенскій крестьянинъ Бойба показалъ, что восемь человѣкъ изъ вылазской шляхты, между которыми только трое было католиковъ, ночевали у него въ домѣ и совѣщались между собою упасть опату въ ноги и просить у него протекція въ своемъ несчастіи. На другой день собралось у опата больше 30 человѣкъ вылазской шляхты, по показанію одного свидѣтеля 38 человѣкъ, а по

---

[1]) Не знаемъ, впрочемъ, навѣрное,—другая ли это была депутація къ опату, или прежняя съ Плотницкимъ во главѣ, но разсказанная съ нѣкоторыми отличіями и подробностями

показанію другаго—до 40 человѣкъ. Судья Свѣжинскій сказалъ имъ: «хотя мы васъ тяжко осудили, но мы можемъ оказать вамъ и милосердіе, если примете вѣру святую католическую въ обрядѣ латинскомъ». На это всѣ первоначально отвѣчали, что они хотятъ быть уніатами; но судья сказалъ: мы опасаемся, чтобы вы, сдѣлавшись уніатами, не воротились назадъ въ схизму,—лучше будьте въ обрядѣ латинскомъ». Православные шляхтичи отвѣчали: мы хотимъ быть въ уніи, ибо кто станетъ брать нашихъ дочерей, какъ будемъ въ обрядѣ латинскомъ? Схизматики не захотятъ взять, а унитовъ тутъ у насъ трудно найти, развѣ хлоповъ. У насъ такъ водится, что католикъ не хочетъ брать схизматиковъ либо унитъ изъ нашей шляхты. Судья сказалъ имъ: «пусть ваши дочери будутъ хоть схизматичками, лишь бы вы были католиками обряда латинскаго». На этихъ условіяхъ согласились принять латинскій обрядъ 14 православныхъ шляхтичей. Съ своей стороны судьи и опатъ упросили истцовъ, чтобы они согласились на уменьшеніе срока заключенія, ограничивъ его только шестью недѣлями, опатъ обѣщалъ заплатить отъ себя половину денежнаго штрафа, именно 220 злотыхъ, а судья обѣщалъ освободить отъ смертной казни заключенныхъ преступниковъ, какъ и дѣйствительно освободилъ ихъ впослѣдствіи, за исключеніемъ одного главнаго Стефана Литвиновича. Затѣмъ составленъ былъ актъ объ обращеніи православныхъ въ католичество и объ отдачѣ Вылазской церкви на костелъ; но этотъ актъ подписанъ былъ далеко не всѣми шляхтичами. Свидѣтель Іоаннъ Карповичъ Гореглядъ говоритъ, что когда онъ пріѣхалъ въ Городище къ опату, то нѣкоторые изъ шляхты уже прикладывали крестики (вмѣсто подписей), а другіе не прикладывали, и давнишніе католики приложили крести-

ки, кромѣ меня. По показанію другихъ свидѣтелей, только 24 или 25 шляхтичей подписали актъ и между ними 10 давнихъ католиковъ и 14 православныхъ. Остальные 15 не подписались подъ этимъ актомъ, говоря судьѣ, что какъ онъ сдержитъ свое слово и освободитъ отъ смерти заключенныхъ и убѣжавшихъ и имъ самимъ уменьшитъ наказанія, то и они примутъ латинскій обрядъ. По другимъ же показаніямъ, эти 15 человѣкъ вовсе не хотѣли принимать латинскаго обряда и обѣщали принять только унію.

Послѣ этого судья уѣхалъ въ Пинскъ, а подписавшіе актъ шляхтичи, вмѣстѣ съ коморникомъ, реентомъ и бенедиктинскимъ опатомъ, отправились въ Вылазы для передачи православной церкви на костелъ. Пріѣхавши въ Вылазы, опатъ около часу ждалъ около церкви ключей отъ нея, которые принесла жена бывшаго въ заключеніи Лукаша Горегляда и передала ихъ Петру Горегляду (давнему католику), а этотъ послѣдній, по приказанію опата, отперъ церковь. Опатъ спросилъ сопровождавшихъ его шляхтичей: «если кто изъ васъ не позволяетъ на поданіе церкви, я тотчасъ уѣду назадъ»; но никто не отозвался на это, и опатъ вошелъ въ церковь и началъ пѣть «подъ твою милость прибѣгаемъ Богородице Дѣво». На слѣдующій день формально передана была церковь со всею церковною утварью, постройками, инвентаремъ и грунтами во владѣніе опата, и въ тотъ день пять шляхтичей приняло латинскій обрядъ. Тѣмъ не менѣе опатъ счелъ нужнымъ четыре недѣли держать при церкви стражу изъ крестьянъ, которая, по увѣренію свидѣтелей—католиковъ, не причиняла зла и не дѣлала никакихъ наѣздовъ. Въ самой церкви, при обращеніи ея въ костелъ, не было сдѣлано ничего худаго и оскорбительнаго для русской святыни: олтарь не разрушенъ, но лучше устроенъ; сняты были

царскіе врата, какъ несоотвѣтствующіе устройству костела; образа не были затираемы и только одинъ изъ нихъ самъ выпалъ отъ звоницы, потому что былъ ветхій. Черезъ 4 недѣли опатъ вторично посылалъ къ каждому изъ вылазскихъ шляхтичей, съ предложеніемъ, что если кто имѣетъ сказать что нибудь противъ этой поссессіи, то ставалъ бы и манифествовался, но и на этотъ разъ никто и ничего не сказалъ противнаго.

Расказывая все это объ обращеніи вылазской православной церкви въ костелъ, всѣ католическіе свидѣтели утверждаютъ, что при этомъ не было со сторы опата никакихъ застращиваній и угрозъ, что сама шляхта добровольно и безъ всякаго принужденія приняла латинскій или уніатскій обрядъ и также добровольно отдала опату свою церковь на костелъ; но не такъ думали православные и даже уніаты. Въ скоромъ времени православный пинскій игуменъ позвалъ на судъ городищенскаго опата за то, что онъ насильно завладѣлъ вылазскою православною церковію, нарушивъ право колляціи или подаванія. По этому случаю городищенскій опатъ снова пріѣзжалъ въ Вылазы съ этимъ позвомъ и просилъ шляхту дать ему свидѣтельство, что онъ не насильно, а съ дозволенія шляхты овладѣлъ ихъ церковію, и шляхта, конечно католическая, дала ему это свидѣтельство. Этимъ кажется, и кончилось дѣло, поднятое пинскимъ православнымъ игуменомъ, но за то начинаются столкновенія между вылазскими католиками и уніатами, обнаружившіяся черезъ 4 недѣли, вслѣдъ за снятіемъ стражи при обращенной въ костелъ церкви. Бенедиктины оставили при вылазскомъ костеликѣ ксендза Радковскаго, который считалъ себя полноправнымъ хозяиномъ въ селѣ Вылазахъ и нетолько завѣдывалъ принявшими латинскій обрядъ, но и налегалъ на тѣхъ

шляхтичей, которые вовсе не подписывали акта и только словесно обѣщали принять унію или католичество, и понуждалъ ихъ къ принятію латинскаго обряда. Между тѣмъ эти послѣдніе нисколько не думали о принятіи латинскаго обряда и пріютили у себя бывшаго своего священника Мазевича, который принялъ теперь унію и, по распоряженію уніатскаго епархіальнаго начальства, возвратился на свой прежній приходъ. Съ помощію шляхты онъ сталъ было собирать засѣянное имъ на церковныхъ поляхъ жито, но ксендзъ Радковскій велѣлъ забрать у него хлѣбъ и сложить въ своей плебаніи, а также взялъ у него нѣкоторыя вещи и три штуки скота. При этомъ происходили какіе-то безпорядки, драча и насиліе. Мазевичъ удалился изъ Вылазъ куда-то, но непринявшая латинскаго обряда шляхта все-таки не хотѣла дать ксендзу Радковскому огородовъ и грунтовъ церковныхъ, говоря: «пусть бенедиктины тѣшатся церковію, а мы грунтовъ не дадимъ и другую церковь для попа уніатскаго построимъ». Они не дозволили ксендзу Радковскому обгородить эти грунты, и когда онъ выѣхалъ на нихъ съ сохами, бабы съ господарями не дозволили ему пахать. Дѣло дошло будто бы до того, что бабы рвали ксендза Радковскаго за одежу, а онъ—за волосы.

По удаленіи Мазевича, вылазская шляхтя русскаго обряда не осталась вовсе безъ священника. По показаніямъ однихъ свидѣтелей, шляхта русскаго обряда приняла унію у пинскаго уніатскаго епископа, который приказалъ совершать для нихъ богослуженіе и требы уніатскому священнику изъ Прохонска Волчковичу. Дѣло происходило такимъ образомъ. Ксендзъ Радковскій понуждая неподписавшихъ актъ шлятичей принять латинскій обрядъ, позвалъ ихъ до гроду Пинскаго. Раздраженные этимъ позвомъ шляхтичи пошли

къ русскому епископу и тамъ приняли унію обряда русскаго; между ними было семь человѣкъ, принявшихъ уже латинскій обрядъ. Послѣ этого только священникъ Волчковичь изъ Прохонска сталъ исполнять для нихъ требы и совершать богослуженія. По показаніямъ же другихъ свидѣтелей, вылазская шляхта обратилась къ уніи вслѣдствіе происковъ и агитаціи священника Волчковича, имѣвшаго въ Вылазахъ своихъ родственниковъ и старавшагося выгнать отсюда бенедиктиновъ и сдѣлаться уніатскимъ настоятелемъ въ Вылазахъ. Будто бы онъ часто ѣздилъ въ Вылазы, уговаривалъ своихъ родныхъ не принимать латинскаго обряда и о крестьянинѣ Прокоповичѣ, принявшемъ этотъ обрядъ, сказалъ однажды: «отъ ляхъ идущо (?) душу сгубилъ, и вы какъ сдѣлаетесь—души погубите». «Будьте унитами, говорилъ онъ шляхтѣ, а не латинниками, не умѣете по польски богослуженія и молитвы, а по русски умѣете». Вслѣдствіе ли убѣжденій Волчковича, или сами по себѣ, вылазскіе шляхтичи стали записываться на унію и даже оставлять принятый было ими латинскій обрядъ. Пріѣзжая въ Вылазы, Волчковичь сталъ переписывать своихъ прихожанокъ униатокъ, бывшихъ за шляхтою схизматиками, и склонять шляхту къ принятію уніи; шляхта стала отступать отъ латинскаго обряда и приставать къ русской уніи. Волчковичь вызвался ходатайствовать за нихъ передъ русскимъ уніатскимъ епископомъ, какъ и дѣйствительно сдѣлалъ это. Онъ вполнѣ былъ увѣренъ въ успѣхѣ уніи и, пріѣхавъ однажды въ Вылазы съ Островицкимъ священникомъ, говорилъ русской шляхтѣ: «вамъ на Божіе нарожденіе дадимъ нашу молитву, ибо наша лучше русская молитва, чѣмъ ксендза католицкаго». Поссорившись съ ксендзомъ Радковскимъ, Волчковичь подъ хмѣлькомъ говорилъ будто бы ему: «тебя тутъ

не будетъ; такъ будетъ, какъ и было, а того оплатка не будетъ». И шляхта, принявшая унію, будто бы говорила: «мы скоро дождемся, что того оплатка не будетъ, и какъ было, такъ и будетъ,—бѣсъ отъ насъ ксендза возметъ, лишь бы только прѣіхали къ намъ москали». Въ такомъ положеніи ксендзъ Радковскій предписалъ будтобы въ своемъ приходѣ особыя молитвы о навращеніи уніатовъ въ католичество.

Скоро послѣ того пинскій уніатскій епископъ послалъ въ Вылазы оффиціала Зарускаго съ двумя алюмнами (воспитанниками) священниками для отобранія вылазской церкви отъ бенедиктиновъ и обращенія ея въ уніатскую. Но еще на дорогѣ, въ Почаповѣ, католикъ шляхтичь Сикорскій предсказалъ имъ, что бенедиктины не отдадутъ имъ вылазской церкви. Такъ и случилось. Пріѣхавъ въ Вылазы, оффиціалъ Зарускій съ двумя священниками остановился у шляхтича Якубовича, куда собрались какъ отступавшіе отъ латинскаго обряда, такъ и неприступавшіе еще къ нему шляхтичи, но о чемъ они говорили здѣсь неизвѣстно. Отсюда оффиціалъ Зарускій послалъ къ ксендзу Радковскому инстигатора просить ключей отъ церкви для совершенія св. литургіи. Ксендзъ Радковскій ключей не далъ, но послалъ шляхтича Ѳеодора Островскаго съ генераломъ или вознымъ къ оффиціалу спросить, за какимъ интересомъ онъ пріѣхалъ въ Вылазы. Но оффиціалъ сказалъ посланному: «тебѣ слѣдуетъ за снопами смотрѣть, а не спрашивать меня о томъ». Тогда ксендзъ Радковскій, взявъ съ собою четырехъ человѣкъ, самъ пошелъ къ оффиціалу и о чемъ то говорилъ съ нимъ по латыни; а потомъ и по польски они стали ссориться между собою. Наконецъ, ксендзъ Радковскій сказалъ оффиціалу: «ѣдь себѣ, потому что я велю коней забрать». Оффи-

ціалъ поѣхалъ со своими алюмнами священниками, несмотря на то Радковскій все-таки отобралъ у послѣднихъ вещи и коней. Можетъ быть, впрочемъ, что это было въ другой разъ. По словамъ одного свидѣтеля, двое священниковъ алюмновъ, проѣзжая черезъ Вылазы, остановились на улицѣ и пошли къ ксендзу Радковскому. Вскорѣ затѣмъ Радковскій вызвалъ изъ корчмы нѣсколькихъ случившихся тамъ католиковъ и велѣлъ имъ забрать у алюмновъ коней съ подводами и вещи ихъ переносить въ хату. Алюмны переговаривались о чемъ-то съ Радковскимъ по латыни. Не получивъ отъ него коней, они пошли къ шляхтѣ, наняли подводу и уѣхали въ Пинскъ. Отобранные кони на другой день отданы были извощикамъ, такъ какъ они принадлежали пани Щитовой, а вещи остались у Радковскаго.

Неполучивъ вылазской церкви и даже дозволенія хоть по временамъ совершать въ ней богослуженіе, священникъ Волчковичь, по распоряженію оффиціала, совершалъ для вылазскихъ уніатовъ литургію въ стодолѣ шляхтича Якубовича, а покойниковъ хоронилъ на старыхъ могилкахъ. Но ксендзъ Радковскій всячески старался вторгаться въ права священника Волчковича, препятствовалъ ему въ исполненіи требъ для его прихожанъ и нерѣдко обижалъ его самымъ наглымъ образомъ. Умеръ въ Вылазахъ шляхтичь Николай Волчковичь. Ксендзъ Радковскій пришелъ въ домъ покойника и сказалъ собравшейся тамъ шляхтѣ; «дѣтки я его погребу по обряду христіанскому при костеликѣ моемъ вылазскомъ,— онъ достоинъ того». Но сынъ покойнаго Іосифъ заявилъ, что отецъ его желалъ быть погребеннымъ отъ русскаго священника, который напутствовалъ его передъ смертію. Покойника похоронилъ священникъ Волчковичъ на старыхъ могилкахъ, потому что Радковскій не дозволилъ похоронить

его при церкви. Однажды священникъ Волчковичъ выгнанъ былъ ксендзомъ Радковскимъ изъ Вылазъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто бы уговаривалъ шляхту быть уніатами, а не латинниками. Въ другой разъ, когда Волчковичъ, по приглашенію шляхтича Панкрата или Панкратенюка, пріѣхалъ въ Вылазы крестить у него ребенка, Радковскій дважды присылалъ къ нему людей сказать, чтобы онъ не крестилъ этого ребенка, но такъ какъ Волчковичъ не хотѣлъ послушаться, то ксендзъ Радковскій взявши съ собой четырехъ человѣкъ, самъ пошелъ въ домъ шляхтича и началъ бранить Волчковича за то, что безъ его позволенія онъ осмѣливается крестить дѣтей. Тогда начали они между собой ссориться; потомъ ксендзъ Радковскій взялъ ризы со стола и крестъ, отдалъ крестъ людямъ, а ризы вырвали у него бабы. Видя это, означенный шляхтичь выбѣжалъ на дворъ и началъ кричать гвалтъ, что на него нападаетъ ксендзъ. Тогда ксендзъ пошелъ съ людьми въ плебанію и унесъ съ собой крестъ. Потомъ ксендзъ Радковскій велѣлъ людямъ стеречь, когда пресвитеръ будетъ выѣзжать, чтобы взять у него коня. «Итакъ я самъ съ людьми,—говоритъ Даміанъ Пимпушко, догнавши пресвитера, выѣзжающаго за село, отняли коня, но мы ничего не дѣлали пресвитеру и нешарпали его, а только посадили его на повозку и привезли въ плебанію».—Дьяка Киркевича ксендзъ Радковскій велѣлъ однажды бить дисциплинами.

Будучи на именинахъ у городищенскаго бенедиктинскаго опата, священникъ Волчковичъ жаловался ему на ксендза Радковскаго, что онъ обижаетъ его и не дозволяетъ исполнять требъ для вылазскихъ уніатовъ. Опатъ на это сказалъ ему: «худо дѣлаешь, батюшка, наговариваешь шляхту, чтобы были унитами, а не латинниками»! Когда Волч-

ковичъ не признавалъ себя виновнымъ въ этомъ, тогда одинъ изъ бывшихъ тамъ шляхтичей подалъ ему два тынфа, говоря: «отдаю тебѣ два тынфа, которые далъ ты мнѣ, чтобы я не оставался католикомъ или въ обрядѣ латинскомъ, но былъ уніатомъ». Это было не что иное, какъ наглая выходка полупьянаго шляхтича, который послѣ самъ подъ присягою показывалъ, что онъ не видалъ, чтобы Волчковичъ давалъ кому либо деньги за принятіе уніи. Но на имянинахъ опата готовы были повѣрить этой наглной клеветѣ и оскорбить уніатскаго священника. Опатъ деликатно указалъ ему на двери: «прошу пана,—сказалъ онъ Волчковичу, выпить шклянку меду и иди себѣ съ Богомъ, а больше мнѣ шляхты не бунтуй».

Но за то никто не препятствовалъ самому Радковскому совращать вылазскихъ уніатовъ въ латинскій обрядъ, и представители Пинской уніатской епархіи указывали нѣсколько случаевъ такихъ совращеній.

Вслѣдъ за совращеніемъ части вылазской шляхты, стали совращаться въ латинскій обрядъ и жители Селища, бывшіе подданные бенедиктиновъ и принадлежавшіе прежде къ сошенской церкви. Теперь они стали ходить въ вылазскій костеликъ. Они указывали почти такія же причины своего совращенія въ латинскій обрядъ, какія и жители Городища, а именно: 1) позвы пинской консисторіи на судъ и проклятіе по ея распоряженію за принятіе будто бы нѣкоторыми латинскаго обряда, 2) небреженіе сошенскаго священника, который не хотѣлъ пріѣзжать въ Селище погребать умершихъ, так что селищане, сами безъ священника, похоронили трехъ покойниковъ.

Н. Петровъ.

ИЗЪ ПАЛЕСТИНСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Горняя.

I

Не все же ѣздить въ Палестинѣ,
Мѣнять осленка на коня,—
Пойду, постранствую въ пустынѣ;
Но чуть лишь на поле,—и я
Вступаю въ каменное царство...
Взбираюсь, прыгаю, иду,
И спотыкаюсь на ходу,
И мыслю: чистое мытарство!
На камнѣ камень безъ числа:
Полны поля, долины, кручи ..
Какая сила нанесла
Всѣ эти каменныя кучи!
Гляжу впередъ—да гдѣжь просторъ?
Но здѣсь не очень разглядишься,
Какъ разъ споткнешься, изловчишься
И хватишь лбомъ скалу въ упоръ.
Порой подумаешь невольно,
Что исполинъ библейскихъ дней
Вотъ здѣсь задумалъ своевольно
Себѣ построить мавзолей,
И много взвелъ на удивленье,—
Но, знать, на что-то осерчалъ,
И трудъ свой въ мелкое каменье
Разбилъ, разсѣялъ, разметалъ!
И вотъ они, его обломки,
Кругомъ засѣяли поля;

Ползешь, чуть ноги шевеля,
Да и пугаешься въ потемки.
И безъ потемокъ не втерпежь,
И всѣхъ святыхъ зовешь избавить;
Бредешь съ оглядкою, а всежь
Не знаешь, ногу гдѣ поставить...
Но тихій отдыхъ недалекъ:
Вотъ между горъ, въ уютномъ мѣстѣ,
Блеснулъ цвѣтущій уголокъ:
И красота и скромность вмѣстѣ!
Спѣшу утѣшенный къ нему;
Пошли глаза кругомъ вертѣться;
Поклоны вѣшаю всему;
Здѣсь просто любо заглядѣться!
Черезъ долину, за ручьемъ,
Въ полугорѣ—нашъ русскій домикъ,
Глядитъ свѣтло, какъ бѣлый холмикъ,
И вѣетъ флагъ родной на немъ.
Скорѣй на кровлю: что̀ за прелесть!
Какая ласковая свѣжесть!
Здѣсь полной грудью я дышу,
Какъ очарованный гляжу:
На горкѣ—родина Пророка,
Въ огняхъ вечерняго луча;
Въ долинѣ—дочери Востока
Толпятся шумно у ключа;
Долина вся въ живыхъ прикрасахъ—
Въ зеленыхъ грядкахъ и террасахъ,
И опускается слегка,
Блестя струями ручейка;
Тамъ, съ чувствомъ тихаго веселья,

Арабъ копошится на днѣ
И огородныя издѣлья
Раститъ и холитъ въ тишинѣ.
И всюду—зелени узоры!
И плавно, медленно, кругомъ,
Какъ-бы любуясь уголкомъ,
Встаютъ чешуйчатыя горы.
На уголокъ онѣ глядятъ,
То подходя, то отступая
И неусыпно сторожатъ,
Его отраду защищая.
Изъ-подъ села на нашъ пріютъ
Уступы легкіе идутъ
Горы—красавицы, сосѣдки,
Все шире, шире, напослѣдки
Сливаются съ долиной. Тамъ
Ряды деревъ неприхотливыхъ—
Оливокъ вѣчно молчаливыхъ—
Глядятъ задумчиво къ горамъ.
Темнѣютъ впадины, ущелья,
И выступаютъ ихъ бока,
Отъ рѣзвой зыби вѣтерка
Полны и свѣта и веселья.
А тамъ извилистымъ путемъ
Опять пустыня потянулась,—
Богъ съ ней! При домикѣ родномъ
Душѣ природа улыбнулась.
Вонъ—по террасамъ разрослись
Блѣднозеленыя маслины,
Златой лимонъ, и апельсины,
И тонкій, стройный кипарисъ,

И гроздъ тяжелый винограда,
И густолиственный рожокъ—
Дѣтей любимая отрада,
Ломимый звучно на зубокъ.
А тишина какая!.. бродитъ
Какъ будто нѣкій добрый духъ
И вѣетъ ласкою, и вдругъ,
Какъ тихій свѣтъ, мнѣ мысль приходитъ:
Здѣсь мѣсто *Радости!* Она
Незримо вѣетъ въ этомъ мѣстѣ:
Младенецъ, Дѣва и жена
Здѣсь свято радовались вмѣстѣ!

II.

Въ сосѣдствѣ близкомъ, за стѣной,
Полуразрушенное зданье;
Но вѣра доброю рукой
Его подъемлетъ въ назиданье.
На маломъ дворикѣ видны
Платанъ дряхлѣющій, дуплистый,
И древній сводъ, и часть стѣны,—
Все—словно въ ризѣ золотистой.
Здѣсь, путникъ. знаменайсь крестомъ,
Произнеси отъ сердца рѣчи:
Ты видишь загородный домъ
Святыхъ родителей Предтечи.
Давно, весеннею порой,
Съ живой любовію привѣта,
Сюда смиренною стопой
Спѣшила Дѣва Назарета.
Тяжелъ и труденъ горный путь

На всемъ пространствѣ Палестины:
Все долы, горы да стремнины,
Отъ зноя негдѣ отдохнуть;
Но, всей душою вѣря Богу,
Любовью родственной полна,
Идетъ *со тщаніемъ* Она
Свою далекую дорогу.
Святѣйшей тайною дыша,
Предъ Ней открытой въ Назаретѣ,
И все-жъ смиренная душа,
Какъ ни единая на свѣтѣ,
Она идетъ вотъ въ сей пріютъ,
Чтобъ въ этомъ родственномъ покоѣ
Сокрыть величіе святое
Отъ праздныхъ думъ и лишнихъ смутъ;
Идетъ къ родной, въ безчадствѣ строгомъ
Теперь обрадованной Богомъ,
Сказать привѣтствіе Свое,
Въ великой радости ея
Порадоваться сердцемъ, съ нею
Молитвы вмѣстѣ принести
И умиленною душею
Рѣчь о грядущемъ повести.
Но чуть подъ сѣнь роднаго крова
Святая путница взошла,
И чуть привѣтственное слово
Она душой произнесла:
Почуяла Елисавета,
Что вдругъ во чревѣ заигралъ
Ея младенецъ, словно зналъ,
Кто эта Дѣва Назарета.

И вся взволнована жена
Привѣтомъ радостнымъ для слуха,
И вмигъ таинственно она
Исполнилась Святаго Духа,
И передъ Гостьею своей
Она пророчицею стала,
И вдругъ воскликнула предъ Ней,
И громкимъ голосомъ вѣщала:
«Благословенна Ты въ женахъ
«Во всѣхъ народахъ и странахъ!
«Благословенъ, благословенъ
«Отъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ племенъ
«Святой плодъ чрева Твоего!..
«Откуда-жъ нынѣ это мнѣ,
«Что Матерь Бога моего
«Пришла ко мнѣ, своей рабѣ!
«Едва привѣтствіе Твое,
«Едва раздался голосъ Твой:
«Какъ вдругъ во мнѣ дитя мое
«Взыграло радостью живой!
«О, какъ блаженна Ты въ своемъ
«Святомъ довѣріи къ судьбѣ:
«Вотъ скоро сбудутся во всемъ
«Слова отъ Господа Тебѣ!»..

И въ сердцѣ Дѣвы нѣтъ тревоги,
Что тайна, вѣдомая Ей,
Уже открыта для людей;
Но, въ свѣтлой радости о Богѣ,
Подвиглась Кроткая душой—
И вся любовью, и смиреньемъ,

И славословьемъ, и прозрѣньемъ,
И благодарностью святой
Благоговѣйно увлеклася,
И, въ сердцѣ чувствуя Христа,
Отверзла чистыя уста,
И пѣснь восторга полилася...

Но робко здѣсь смолкаю я
Предъ вдохновеннымъ ликованьемъ.
О, *величай, душе моя,*
Честнѣйшую—своимъ молчаньемъ!..

23 Іюля 1873 г.
Горняя.

С. Пономаревъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ виду совершающихся событій на Востокѣ и общаго желанія читающей публики имѣть самую подробную и большую карту театра войны, вышла въ свѣтъ **генеральная карта всего Балканскаго полуострова**, Сост. Н. И. Зуевымъ. Съ полнымъ составомъ областей, населенныхъ славянскими племенами и другими народами.

Содержаніе карты: Турецкая Кроація, Герцеговина, Боснія, Сербія, Болгарія съ Добруджей, Черногорія, Румелія, Албанія, Македонія, Эпиръ, Ѳессалія и сѣверная половина королевства Греческаго, островъ Кандія. Кромѣ того, Молдавія и Валахія (Румынія) и окружающія владѣнія Австріи (Венгрія, Трансильванія, Воен. Граница, Далмація) и Россіи

(губ. Бессарабск.). Къ картѣ принадлежитъ также: небольшой планъ Константинополя и планъ Константинопольскаго пролива съ подробн. означен. мѣстечекъ. Желѣзныя дороги. Масштабъ большой. Величина карты $1^1/_4$ арш. длины и болѣе арш. ширины, при 2-хъ большихъ листахъ. Надписей мѣстъ болѣе *семи* тысячъ. На поляхъ карты находится краткій словарь, для объясненія турецкихъ и славянскихъ словъ и окончаній; это изданіе изящно гравировано и хромолитографировано на лучшей бумагѣ.

Цѣна картѣ назначена весьма дешевая—1 р., а съ перес. 1 р. 10 к.

Также вышли въ свѣтъ самыя подробныя хромолитографированныя карты:

1) Сербіи, Босніи, Герцеговивы и Черногоріи. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

2) Болгаріи, Румеліи, Албаніи, Македоніи, Валахіи и Молдавіи (Румыніи) до Азіатскихъ владѣній Турціи. Цѣна 40 коп., съ перес. 45 коп.

3) Карта Азіатской Турціи (съ пограничными русскими губерніями Кавказа). Сост. Н. И. Зуевымъ. Цѣна 35 к., съ пересылкою 40 к.

Чтобы сдѣлать карты вполнѣ доступными для всякаго, даже недостаточнаго человѣка, всѣмъ имъ назначена, не взирая на величину и цѣлую массу надписей, чрезвычайно дешевая цѣна. Лица, живущія въ губерніяхъ, благоволятъ поспѣшить своими требованіями, чтобы можно было выслать карты безотлагательно по полученіи письма. Деньги для удобства, можно высылать почтовыми марками въ простыхъ письмахъ, адресуя въ С.-Петербургъ, Покровская площадь, Колом. части, д. Шкарина, № 95, кв. № 6, въ контору журнала «**Сѣверная Звѣзда**».

СБОРНИКЪ ПОУЧЕНІЙ,

помѣщенныхъ въ журналѣ

«РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ».

Въ № 48 «Руководства для сельскихъ пастырей» отъ редакціи объявлялось о предположенномъ ею изданіи Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ за всѣ годы его существованія. Въ настоящее время печатаніе таковаго сборника, содержащаго въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня, уже приводится къ концу. На нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Объемъ его выше 30 печатныхъ листовъ. Цѣна 1 р., за пересылку 20 коп. во всѣ мѣста. Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

Печатать дозволяется. 15-го Іюля 1877 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.